

С.С. Ваулина,
Д.А. Серганова

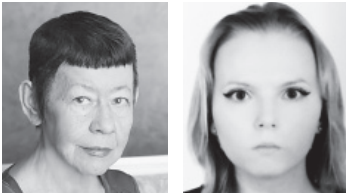
ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В «ПОУЧЕНИИ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАПИОНА»

SVETLANA S. VAULINA, DARIA A. SERGANOVA
TEXT-FORMING FUNCTION OF THE AUTHOR'S MODALITY IN THE "TEACHING OF ST. SERAPION"

В статье с позиции антропоцентрического подхода анализируется авторская модальность в памятнике древнерусской письменности, относящемся к жанру «ораторской прозы», — «Поучении преподобного Серапиона», написанном Серапионом, епископом Владимирским, видным религиозным деятелем Древней Руси XIII века. Цель статьи — рассмотреть план содержания авторской модальности в указанном памятнике и языковые средства ее выражения. Для достижения поставленной цели в статье решается ряд задач, в том числе обсуждаются некоторые дискуссионные вопросы в понимании авторской модальности, которая квалифицируется нами как текстообразующая категория; обосновывается различие в содержании терминов «авторская модальность» и «образ автора»; определяется связь авторской модальности с жанровой спецификой текстов, отчетливо прослеживающаяся уже в диахронии русского языка; обосновывается употребление термина «ораторская проза» применительно к рассматриваемому произведению; характеризуется план содержания авторской модальности в «Поучении», идейный стержень которой составляют патриотизм Серапиона Владимирского, его переживания за судьбу Родины в тяжелых условиях нашествия татаро-монгольского ига и феодальной раздробленности Руси, а также верность автора произведения христианским идеалам. Посредством применения метода контекстуального и функционально-семантического анализа в тексте данного памятника древнерусской письменности устанавливаются языковые средства выражения авторской модальности, в составе которых находится модально-оценочная лексика, характеризующая сознание религиозного человека эпохи Средневековья, а также синтаксические структуры, в том числе сложноподчиненные предложения со значением условия и элементы экспрессивного синтаксиса (риторические вопросы и восклицания), служащие в своей совокупности раскрытию личности автора произведения и его ораторского мастерства.

Ключевые слова: авторская модальность; модальность текста; памятники древнерусской письменности; древнерусские жанры; ораторская проза; Серапион Владимирский.

The article applies an anthropocentric approach in linguistics to analyze the category of the author's modality in the Old Russian literary work "The Teachings of St. Serapion", which belongs to the genre of oratorical prose. Serapion was a prominent religious figure, a bishop in the city of Vladimir in the 13th century. The purpose of the article is to consider the content plan of the author's modality in the specified manuscript and the linguistic means of its expression. A number of tasks are solved in the article to achieve this purpose. Firstly, it is a discussion of the controversial points in understanding of the category of author's modality, which is defined as a text-forming category. Secondly, substantiating the difference in the content of the terms "author's modality" and "author's image". Thirdly, determining the connection of the author's modality with the texts' genre specifics, which is also can be found on the ancient stage of the

**Светлана Сергеевна
Ваулина**

доктор филологических наук, профессор
► svaulina@mail.ru

**Дарья Александровна
Серганова**

аспирант
► serganova-dasha@mail.ru

*Балтийский федеральный университет
им. И. Канта
Калининград, ул. Александра Невского, 14*

**Svetlana S. Vaulina,
Daria A. Serganova**

*Immanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad, st. A. Nevskogo, 14*

existence of the Russian language. Finally, justifying the use of the term “oratorical prose” and characterization of the content plan of the author’s modality in “The Teachings”. Serapion’s patriotism and feelings about the fate of his Motherland during the Tatar-Mongol invasion and the feudal fragmentation of Russia, as well as the author’s loyalty to Christian ideals are the ideological core of this work. The linguistic means of expressing author’s modality are established with the help of the method of contextual and functional-semantic analysis. Such linguistic means consist of modal-evaluative vocabulary, that characterizes the consciousness of a religious person of the Middle Ages, as well as syntactic structures that include complex sentences with the meaning of conditions and elements of expressive syntax, such as rhetorical questions and exclamations, which are used together in order to reveal the author’s personality and oratorical skills.

Keywords: author’s modality; text modality; the Old Russian literary works; the Old Russian genres; oratorical prose; Serapion Vladimirsky.

Введение

Общеизвестно, что современное языкознание ознаменовано последовательным антропоцентрическим подходом к изучению языковых фактов и явлений. «Антропоцентризм в лингвистике», — как отмечает П. И. Костомаров, — «объясняется учеными сменой ракурса исследования, формулированием нового объекта исследования — языковой личности. Являясь одной из активных форм познания действительности, язык дает нам реальный образ мира, постичь который человек стремился на протяжении многих веков. Исходя из этого, возникает проблема изучения языковой личности» [Костомаров 2014: 199]. Исследователи сходятся во мнении, что язык необходимо изучать «в действии»: языковые факты изучаются не отдельно, а в тексте (и шире — в дискурсе), где большую роль играет учет человеческого фактора как важного экстралингвистического компонента языковых преобразований. В контексте вышесказанного вполне закономерен активный интерес исследователей к модальности как текстовой категории, первое определение которой принадлежит И. Р. Гальперину, определившему сущность категории модальности текста через ряд признаков: субъективная по природе, в тексте она носит не грамматический, а функционально-семантический характер, проявляясь неравномерно в разных фрагментах текста и выражаясь через характеристику героев, распределение отрезков текста, сентенции автора, актуализа-

цию отдельных частей текста [Гальперин 1981: 115]. С этой точки зрения вполне очевидно, что текстовая модальность является и текстообразующей категорией, занимающей одно из ключевых мест в организации текстового пространства (см. об этом, например: [Бондарко 2001; Валгина 2003; Романова 2003]), а структурно-смысловым ядром модальности текста является авторская модальность, которая непосредственно связана с понятием «образ автора».

Оставляя за пределами статьи обсуждение вопроса о соотношении терминов «авторская модальность» и «образ автора», поскольку они достаточно подробно изложены в ряде статей (см., например, об этом: [Ваулина, Девина 2010]), и солидаризируясь с существующими мнениями о том, что «образ автора — явление текствосприятия многим более, чем явление текстообразования» [Копытов 2010: 11], мы концентрируем свое внимание именно на текстообразующей функции категории авторской модальности.

При этом важно подчеркнуть, что авторская модальность теснейшим образом связана с коммуникативной установкой текста, из чего следует, что авторская модальность имеет разную степень эксплицированности в зависимости от жанрово-стилевых особенностей текста. Так, например, наиболее высокую степень выраженности она имеет в жанрах публицистического стиля. «В публицистическом произведении выражение “авторства” является принципиально важным для писателя, поскольку его цель — открыто донести до читателя свои мысли, представления и оценки» [Ваулина, Старовойтова 2007: 20], и именно «поэтому степень авторизации здесь чрезвычайно высока и авторская модальность всегда эксплицирована» [Золотова 2004: 389].

Жанровая специфика текстов и авторская модальность в диахроническом аспекте

Мнения исследователей, касающиеся специфики авторской модальности в ее соотношении с жанрово-стилевой принадлежностью текста, справедливы и при обращении к историческим памятникам русского языка (см., например: [Ваулина 2016; Ваулина, Серганова 2021; Серганова 2021]).

Жанровая принадлежность памятников древнерусской письменности в целом играла не последнюю роль в организации текста и характере выражения сознания средневекового автора: с самого начала формирования древнерусской литературы, как отмечает О.В. Творогов, «жанровая система Древней Руси отражала мировоззрение, типичное для всех христианских государств в эпоху раннего средневековья» [Творогов 1980: 20]. Древнерусские тексты обладали достаточно развитой жанровой системой, в которой главным критерием в определении принадлежности произведения к определенному жанру было его целевое назначение. По утверждению Д.С. Лихачева, при выборе автором того или иного жанра ведущей была «та “практическая цель”, для которой предназначался жанр» [Лихачев 1979а: 33], и на это были объективные причины. Известно, что после Крещения «Киевская Русь в течение короткого срока обрела богатую и разнообразную литературу. На новую почву была перенесена целая система жанров: хроники, исторические повести, жития, патерики, “слова”, поучения» [Творогов 1980: 38]. В силу того, что древнерусские авторы были подвержены влиянию «традиции» при создании текстов и скованны нормами «литературного этикета» (см. об этом: [Лихачев 1979б]), вполне закономерно, что влияние «памяти жанра» на автора при написании памятника было очень велико. И здесь представляется уместным привести высказывание М.М. Бахтина о том, что жанр — это понятие «зоны и поля ценностного восприятия и изображения мира» [Бахтин 2000: 219]. Данное, несколько философское, определение жанра весьма емко, на наш взгляд, отражает мировоззрение древнерусских авторов, которые творили согласно определению «памяти жанра», выразившемуся, прежде всего, в том, что «жанр живет настоящим, но он всегда помнит свое прошлое, свое начало» [Бахтин 2002: 61].

Логично считать, что из всего многообразие древнерусских жанров наиболее полно позволяющим проявить авторское волеизъявление является жанр так называемой ораторской прозы (термин И.П. Еремина). Ораторская проза

Древней Руси включала в себя два вида: красноречие эпидиктическое, или торжественное и красноречие дидактическое, или учительское. Известный специалист в области древнерусской литературы И.П. Еремин разграничивал эти два вида следующим образом: «сфера торжественного красноречия — сфера больших проблем широкого общественно-политического охвата, если не проблем, то патетической лирики» [Еремин 1987: 66]. При этом ученый полагал, что «этот род красноречия был доступен далеко не каждому: он требовал не только глубины содержания, но, прежде всего, выучки, большого профессионального мастерства, незаурядной литературной культуры» [Еремин 1987: 66], тогда как «красноречие дидактическое обычно преследовало чисто практические цели непосредственного назидания, информации, полемики» [Там же: 65]. Как отмечает Т.В. Черторицкая, «классификация жанров древнерусского красноречия сложна, но наиболее распространенными в письменной традиции остаются два определения: слово и поучение. Первое закрепляется за памятниками торжественными, второе — за более простыми по смыслу и системе образных средств дидактическими сочинениями» [Черторицкая 1987: 9]. Жанр ораторской прозы предполагал главную целевую установку произведения — убедить адресата в необходимости следовать основным непреложным истинам: христианским заповедям, нормам морали, законам средневекового общества. Вполне очевидно, что памятники, относящиеся к данному жанру, — это еще не публицистика в классическом понимании функциональной стилистики, но это можно считать начальным этапом ее становления, и в ней уже достаточно отчетливо отражаются черты публицистического жанра, получившие достаточно яркое воплощение в публицистическом стиле середины XVII века. Именно на этом основании памятники указанного жанра и обладают высокой степенью выраженности авторской модальности. И рассматриваемое нами «Почтение преподобного Серапиона», относящееся к жанру ораторской прозы, вполне вписывается в эту квалификацию категории авторской модальности.

Структурно-содержательные и языковые особенности авторской модальности в «Поучении преподобного Серапиона»

Епископ Серапион, в литературном творчестве которого воплотились традиции жанра древнерусской ораторской прозы, представленные в произведениях его предшественников, например, митрополита Иллариона (сер. XI века) и епископа Кирилла Туровского (сер. XII века)¹, может по праву считаться их продолжателем. И с учетом временной дистанции написания им своих произведений их анализ интересен с точки зрения динамики в способе выражении мыслей и чувств автора, на что, кстати, обращает внимание Л. А. Дмитриев, отмечая, что в произведениях Серапиона «сильнее выражены непосредственные человеческие чувства, им присуща большая простота и ясность изложения» [Дмитриев 1980: 117].

К сожалению, биографических сведений о Серапионе имеется очень мало. Известно лишь, как отмечает Л. А. Дмитриев, что «до 1274 г. он был архимандритом Киево-Печерского монастыря, с 1274 по 1275 г. — епископом Владимирским. Серапион относится к кругу тех деятелей XIII в., которые в своем творчестве осуществляли связь культур Юго-Западной и Северо-Восточной Руси» [Дмитриев 1980: 115]. Но о многом говорит временной период, в котором жил епископ. Это было тяжелое время в истории российского государства, отягощенное феодальной раздробленностью Руси и нашествием татаро-монгольского ига, поэтому вполне закономерно, что именно данный факт лег в основу содержания произведений Серапиона и языковых средств его выражения.

Как указывает В. В. Колесов, «точно установлено, что до нас дошло пять памятников [два Слова и три Поучения. – С. В., Д. С.], которые принадлежат перу священника» [Колесов 1997: 518]. Все они, обращенные к пастве, объединены общей мыслью о том, что нашествие ига — это кара небесная за людские грехи и для Родины наступил судный день.

Все три поучения Серапиона озаглавлены одинаково, поэтому с целью уточнения укажем первую строчку анализируемого нами памятника, написанного, по мнению литературоведов, между

1274 и 1275 гг. [Гудзий 1952: 451]: «*Многу печаль в сердци своемъ вижду вас ради, чада...*» (372)² — «*Большую печаль в сердце своем ношу из-за вас, дети мои...*» (373)³.

Подтверждением тому, что в основе плана содержания авторской модальности в данном памятнике лежит убеждение автора о наставшем наказании для живущих с ним на одной земле людей за их грехи, может служить уже начало произведения: «*Чего не приведохомъ на ся? Какая казни от Бога не въсприяхомъ? Не плѣнена ли бысть земля наша? Не взяти ли быша гради наши? Не вскорѣ ли падоша отци и братья наша трупиемъ на земли? Не ведены ли быша жены и чада наша въ плѣнъ? Не порабощени быхомъ оставшей горкою си работою от иноплеменик? Се уже к 40 лѣт приближаеть томление и мука, и дане тяжкыя на ны не престануть, глади, морове животъ нашихъ, и в сласть хлѣба своего изъѣсти не можемъ, и въздыхание наше и печаль сушать кости наша. Кто жены сего доведе? Наше безаконье и наши грѣси, наше неслушанье, наше непокаянье» (374) — «*Чего не навлекли на себя? Какой казни от Бога не восприняли? Не пленена ли наша земля? Не покорены ли города наши? Давно ли пали отцы и братья наши трупем на землю? Не уведены ли жены наши и дети в полон? Не порабощены ли были оставшиися горестным рабством неверных? Вот уж к сорока годам приближаются страдания и мучения, и дани тяжкие на нас непрестанны, голод, мор на скот наш, всласть хлеба своего наестся не можем, и стенания наши и горе сушат нам кости. Кто же нас до сего довел? Наше безверье и наши грехи, наше непослушанье, нераскаянность наша!» (375).**

Идейное содержание, тематика и жанровые особенности исследуемого памятника определили степень выраженности в нем авторских интенций и набор языковых средств, при помощи которых реализуется авторская модальность в «Поучении».

Наиболее частотными модально-оценочными экспликаторами в нем являются слова и словосочетания с семантическим значением «несчастье»: *печаль, скорбитъ, казни от Бога, гнев Божий, ярость Божья* и др. Данные номинации,

характеризующие «положение дел» в описываемый епископом Серапионом период жизни русского государства, являются текстообразующими в пространстве рассматриваемого памятника, поскольку его автор, с самого начала обозначив магистральную тему повествования о гневе божьем, который постиг его Родину, на протяжении всего текста проводит ключевую мысль о том, что ему и его современникам довелось жить в страшное время и виноваты в этом они сами: «Многу печаль в сердце своемъ вижду вас ради, чада, понеже никако же вижду вы премѣнишася от дѣлъ неподобныхъ» (372) – «Большую печаль в сердце своемъ ношу из-за вас, дети мои, потому что нисколько, вижду, не отвратились вы от дел непотребныхъ» (373); «Не тако скорбеть матери, видящи чада своя боляща, яко же аз, грѣшныи отецъ вашъ, видя вы боляща беззаконными дѣлы» (372) — «Не так скорбит мать, видя в болезни детей своих, как я, грешный отецъ ваш, видя вас, страдающих от дел беззаконныхъ» (373); «Страшно есть, чада, впасти въ гнѣвъ Божию. Чему не видѣмъ, что приди на ны, в семь житии еще сущимъ?» (374) — «Страшно, дети, подпасть под Божий гнев. Почему не думаем, что нас постигнет, пребывающих в жизни такой?» (375).

Именно поэтому в тексте «Поучения преподобного Серапиона», наряду с вышерассмотренными языковыми средствами, широко используются номинации, отражающие понятие «грех» (в разных его проявлениях — от прямого употребления лексемы *грех* до перечисления видов смертных грехов). Грех в «Поучении» — это не просто понятие, выраженное лексемами и словосочетаниями с отрицательной коннотацией, это именно то, что стоит между понятиями «несчастье» и «счастье». Однако при этом важно заметить, что автор ведет речь не о выборе между действием «грешить» или «не грешить». Напротив, он неоднократно повторяет, что все люди уже грешны перед высшими силами: «Окаанныи и помыслить, яко нагъ родися — тако отходит, ничто же имый, но токмо клятву вѣчну; аще ли кто любодѣй — любодѣйства не отлучиться, сквернословецъ и пьяница своего обычая не останеться» (372) — «Окаянный и не думает, что он как родится на-

гим — так и отходит, ничего не имея, кроме проклятья во веки; если кто любодей, — любодейства не бросит, сквернословецъ и пьяница, — привычек своих не оставит» (373). Серапион призывает современников покаяться в грехах, стать на путь истинный. Высокая степень религиозных чувств автора подчеркивается использованием в его обращениях глагола в форме повелительного наклонения *молю*, выражающего идущую от сердца просьбу епископа, которая должна побудить людей к благим действиям: «Молю вы»: «Молю вы, братье и сынове, премѣнитесь на лучшее, обновитесь добрым обновлениемъ, престаните злая творяще, оубойтесь створшаго ны Бога, вострепещете суда Его страшнаго!» (374) — «Умоляю вас, братья и дети мои, переменитесь к лучшему, обновитесь благим обновлением, перестаньте зло творить, устрашитесь создавшего вас Бога, вострепещите суда его страшнаго!» (375); «Молю вы, братье, кождо васъ: внидите в помыслы ваша, узрите сердечными очима дѣла ваша, — възненавидѣте их и отверзете я, к покаянью притецѣте» (374) — «Молю вас, братья, каждого и вас: вникните в помыслы ваши, узрите очами сердца ваши дела, — возненавидѣте их и отриньте, к покаянью придите» (375); «Отселѣ престаните Бога прогнѣвающе, молю вы!» (376) — «Так теперь же перестаньте Бога гневить, молю вас!» (377).

Своеобразным связующим звеном между вышеуказанными номинациями со значениями «несчастье» и «грех» в «Поучении» являются оценочные слова и словосочетания с положительной семантикой, относящиеся к высшим духовным силам: *милость Господня, в радости поживемъ, царство небесное, створите добро* и под. Фактически весь текст «Поучения» строится по принципу антитезы «грех — добро», гнев — милость» и под.: «Гнѣвъ Божию престанеть, и милость Господня излѣтеть на ны, мы же в радости поживемъ в земли нашей, по ошествии же свѣта сего придем радующеся, аky чада къ отцю, къ Богу своему и наслѣдим царство небесное, его же ради от Господа создани быхом. Великии бо ны Господь створи, мы же ослушаниемъ малы створихомся» (374) — «Гнев Божий престанет, и милость Господня на нас изольется, и все мы в радости поживем

на нашей земле, по уходе от мира сего придем радостно, как дети к отцу, к Богу своему и наследуем царство небесное, ради которого Господом созданы были. Господь сотворил нас великими, мы же своим послушаньем себя претворили в ничтожных» (375). В таком морально-этическом противопоставлении и заключается главный смысл текста «Поучения»: автор неоднократно внушает мысль своим соотечественникам, что в мире есть два полюса — «зло» и «добро». Зло — это грех, а добро — следование религиозным постулатам. Сейчас люди вынуждены пребывать в скорби, но радость ждет тех, кто встанет на путь истинный.

Воздействующая функция авторской модальности в «Поучении» как жанре ораторской прозы, весьма наглядно раскрывается при употреблении автором элементов ораторского стиля. К их числу, помимо вышерассмотренных модально-оценочных слов и словосочетаний, следует отнести сложные синтаксические конструкции, в первую очередь, сложноподчиненные предложения со значением условия, придаточная часть которых соединяется книжным союзом *аще*. Ср.: «Аще кто васъ разбойникъ, разбоя не отста-нетъ, аще кто крадетъ — татбы не лишиться, аще кто ненависть на друга имать — враждуя не по-чиваетъ, аще кто обидить и въсхватаетъ грабя — не насытитесь, аще кто рѣзоимецъ — рѣзь емя не престанетъ, обаче, по пророку: “Всуе мятется: збираетъ, не вѣсть кому збираетъ”» (372) — «Если кто-то из вас разбойник — разбоя не бросит, если крадет — воровства не оставит, если другого кого ненавидит — враждует без устали, если кто оби-жает и грабит — не насытитесь, если он ростовщик — не перестанет проценты взимать, ибо, согласно пророку: “Суетится бесцельно: накапливая, не знает, кому собирает”» (373); «Аще ли чимъ пополземся, паки к покаянью притецѣмъ, любовь къ Богу принесѣмъ, прослезимся, милостыню к нищимъ по силѣ створим, бѣднымъ помощи могуще, от бѣдъ избавляйте. Аще не будем тацѣ — гнѣвъ Божии будетъ на нас; всегда в любви пребываю-щи, мирно поживемъ» (374) — «Если же в чем со-вратимся, опять к покаянью прибежем, любовь к Богу проявим, слезы прольем, милостыню ни-щим по силе сотворим, если сможете бедным по-

мочь — от бед избавляйте. Если не станем таки-ми — гнев Божий будет на нас; всегда пребывая в любви, спокойно мы заживем!» (375).

Усилению пафоса ораторской речи еписко-па Серапиона как компонента авторской модаль-ности способствуют и конструкции экспрессив-ного синтаксиса, в числе которых риторические вопросы и восклицания, характеризующиеся по-вышенной эмоциональной тональностью: «Како оутѣшюся, видя вы от Бога отлучишася? Како ли обрадуюсь?» (372) — «Как же я утешусь, видя вас от Бога отошедшими? Чему я порадуюсь?» (373). «Мы же что о сихъ речемъ? Чего невидѣхомъ? Чего ли ся над нами не створи? Чим же ли не ка-жетъ нас Господь Богъ нашъ, хотя ны премѣнити от безаконии нашихъ?» (374) — «Что же мы скажем об этом? Чего мы не видели? Чего не свершилось над нами? Чем не накажет нас Господь Бог наш, желая нас отвратить от беззаконий наших?» (375); «Ты бо еси Богъ небесный, и тебе прославляемъ з безначальным Отцемъ и с Пречистымъ Духомъ и нынѣ, и присно, вѣки!» (376) — «Ибо ты Бог не-бесный, и тебя прославляем вместе с изначальным Отцом и с Пречистым Духом и ныне, и присно, и вечно!» (377).

Ораторский пафос автора «Поучения» по-вышается также благодаря использованию об-разных стилистических средств, например, таких эмоционально-экспрессивных сочетаний, как *грѣшнии отецъ вашъ, незаконными дѣлы, злыи обычаи, сѣмя божественное* и т. п.: «Многажды гла-голахъ вы, хотя отставити от васъ злыи обычаи — никакже премѣнившася вижю вы» (372) — «Говорил я вам много раз, желая отвратить вас от злых пороков, — но вижу: нисколько не изме-нились вы» (373); «Всегда сѣю в ниву сердцець ва-ших сѣмя божественное, николи же вижю прозяб-ша и плод породивша» (372–374) — «Всегда сею в ниву ваших сердец семя божественное, но никог-да не вижу, чтоб оно проросло и зерно породило» (373–375).

Заключение

Таким образом, проведенный функционально-семантический анализ текста «Поучения преподобного Серапиона», относяще-

гося к жанру древнерусской ораторской прозы, позволил показать текстообразующую функцию в нем авторской модальности в совокупности ее плана содержания и плана выражения. Академик Д. С. Лихачев отмечал, что «все русские писатели, каждый по-своему, высоко несут свой писательский долг. Каждый из них в какой-то мере пророк-обличитель, а некоторые — просветители, распространители знаний, истолкователи действительности, деятельные и высоко патриотичные участники гражданской жизни в стране» [Лихачев 1980: 14]. Можно полагать, что это высказывание великого русского ученого справедливо и по отношению к епископу Серапиону: из текста Поучения очевидно, что его автор не просто «летописец», раскрывающий и комментирующий причины трагических событий, случившихся на Руси в период лихолетья, он призван выполнять высокую просветительскую христианскую миссию, являясь истинным патриотом, переживающим за судьбу Родины и людей — своих соотечественников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: Слово Иллариона о законе и благодати. В кн.: Розов Н.Н. Синодальный список сочинений Иллариона – русского писателя XI века. Praha, 1963; Сочинения Кирилла Туровского. В кн.: Рукописи графа А.С. Уварова. Т. 2. СПб, 1858.

²Здесь и далее цит. по изданию: Поучение преподобного Серапиона. В кн.: *Библиотека литературы Древней Руси в 15 томах. XIII в.* Т. 5. Лихачев Д. С., Дмитриев Л.А., Алексеев А.А., Поньрко Н.В. (ред.). СПб.: Наука, 1997. С. 372–377. В круглых скобках указаны страницы источника, на которых находится пример.

³Здесь и далее используется перевод Поучения преподобного Серапиона на современный русский язык, подготовленный В. В. Колесовым. В кн.: *Библиотека литературы Древней Руси в 15 томах. XIII в.* Т. 5. Лихачев Д. С., Дмитриев Л.А., Алексеев А.А., Поньрко Н.В. (ред.). СПб.: Наука, 1997. С. 372–377.

ИСТОЧНИК:

Серапион 1997 — Серапион Владимирский. Поучение преподобного Серапиона. В кн.: *Библиотека литературы Древней Руси в 15 томах. XIII в.* Т. 5. Лихачев Д.С., Дмитриев Л.А., Алексеев А.А., Поньрко Н.В. (ред.). СПб.: Наука, 1997. С. 372–377.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин 2000 — Бахтин М. М. *Эпос и роман*. СПб.: Азбука, 2000. 305 с.

Бахтин 2002 — Бахтин М. М. *Проблемы поэтики Достоевского*. М.: Augsburg, 2002. 167 с.

Бондарко 2001 — Бондарко А. В. Лингвистика текста в системе функционально-семантических категорий. В кн.: *Текст. Структура и семантика*. Т. 1. М., 2001. С. 4–13.

Валгина 2003 — Валгина Н. С. *Теория текста*. М.: Логос, 2003. 280 с.

Ваулина 2016 — Ваулина С. С. Средства выражения авторской модальности в Слове о полку Игореве. *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2: Языковедение. 2016, (15 (2)): 25–33.

Ваулина, Старовойтова 2007 — Ваулина С. С., Старовойтова Н. В. Словоуподобные условные предложения как эксплициатор авторской модальности в публицистическом тексте (на материале «Книги о скудности и богатстве» А. Т. Посошкова). *Вестник Российского государственного университета им. И. Канта*. Серия: Филологические науки. 2007, (8): 20–25.

Ваулина, Девина 2010 — Ваулина С. С., Девина О. В. Авторская модальность как текстообразующая категория (к постановке проблемы). *Вестник Российского государственного университета им. И. Канта*. Филологические науки. 2010, (8): 8–13.

Ваулина, Серганова 2021 — Ваулина С. С., Серганова Д. А. Модальность как способ раскрытия личности автора памятника древнерусской письменности «Поучение Владимира Мономаха». *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. Серия: Филология, педагогика, психология. 2021, (1): 12–18.

Гальперин 1981 — Гальперин И. Р. *Текст как объект лингвистического исследования*. М.: Наука, 1981. 138 с.

Гудзий 1952 — Гудзий Н. К. Где и когда протекала литературная деятельность Серапиона Владимирского? *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка*. 1952, (XI (5)): 45–456.

Дмитриев 1980 — Дмитриев Л. А. Литература первых лет монголо-татарского ига 1237 г. — к. XIII в. В кн.: *История русской литературы в 4 томах*. Т. 1. Пруцков Н.И. (ред.). Л.: Наука, 1980. С. 90–128.

Еремин 1987 — Еремин И. П. *Лекции и статьи по истории древней русской литературы*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 328 с.

Золотова 2004 — Золотова Г. А. Коммуникативная структура текста. В кн.: *Коммуникативная грамматика русского языка*. Золотова Г. А. (ред.). М.: Институт русского языка РАН им. В. В. Виноградова, 2004. С.382–485.

Колесов 1997 — Колесов В. В. Слова и поучения Серапиона Владимирского. В кн.: *Библиотека литературы Древней Руси в 15 томах. XIII в.* Т. 5. Лихачев Д. С., Дмитриев Л. А., Алексеев А. А., Поньрко Н. В. (ред.). СПб.: Наука, 1997. С. 518–520.

Копытов 2010 — Копытов О. Н. Образ автора и авторское начало: разграничение и области применения понятий. *Вестник Томского государственного университета*. 2010, (334): 11–14.

Костомаров 2014 — Костомаров П. И. Антропоцентризм как важнейший признак современной лингвистики. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2014, (1 (2)): 198–202.

Лихачев 1979a — Лихачев Д. С. Жанры и виды древнерусской литературы. Литература и действительность. В кн.: *Древняя русская литература в исследованиях*. Гусева Л. Н., Короткая Л. Л. (сост.). Минск, 1979. С. 33–52.

Лихачев 1979б — Лихачев Д. С. Литературный этикет. В кн.: *Древняя русская литература в исследованиях*. Гусева Л. Н., Короткая Л. Л. (сост.). Минск, 1979. С. 52–70.

Лихачев 1980 — Лихачев Д. С. Своеобразие исторического пути русской литературы X – первой четверти XVIII века. В кн.: *История русской литературы в 4 томах*. Т. 1. Пруцков Н. И. (ред.). Л.: Наука, 1980. С. 11–18.

Романова 2003 — Романова Т. В. *Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 295 с.

Серганова 2021 — Серганова Д. А. Особенности реализации авторской модальности в «Послании Ивана Грозного Андрею Курбскому». В сб.: *Модальность. Коммуникация. Текст: сборник научных трудов*. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2021. С. 138–144.

Творогов 1980 — Творогов О. В. Литература Киевской Руси X – начало XII вв. В кн.: *История русской литературы в 4 томах*. Т. 1. Пруцков Н. И. (ред.). Л.: Наука, 1980. С. 19–61.

Черторицкая 1987 — Черторицкая Т. В. *Красноречие Древней Руси: XI–XVII век*. М.: Советская Россия, 1987. 444 с.

REFERENCES

Бахтин 2000 — Bakhtin M. M. *Epic and novel*. St. Petersburg: Azbuka, 2000. 305 p. (In Russian)

Бахтин 2002 — Bakhtin M. M. *Problems of Dostoevsky's Poetics*. Moscow: Augsburg, 2002. 167 p. (In Russian)

Бондарко 2001 — Bondarko A. V. Text linguistics in the system of functional and semantic categories. In: *Tekst. Struktura i semantika*. Т. 1. Moscow, 2001. P. 4–13. (In Russian)

Колесов 1997 — Kolesov V. V. Words and teachings of Serapion Vladimirsky. In: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi v 15 tomakh. XIII v.* T. 5. Likhachev D. S., Dmitriev L. A., Alekseev A. A., Ponyrko N. V. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 1997. P. 518–520. (In Russian)

Валгина 2003 — Valgina N. S. *Text theory*. Moscow: Logos, 2003. 280 p. (In Russian)

Ваулина 2016 — Vaulina S. S. On means of expressing author's modality in "The tale of Igor's campaign". *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016, (15 (2)): 25–33. (In Russian)

Ваулина, Старовойтова 2007 — Vaulina S. S., Starovoitova N. V. Compound conditional sentence as a means of expressing the author's modality in publicistic texts (a study of A. Pososhkov's book on poverty and richness). *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta*. 2007, (6): 20–25. (In Russian)

Ваулина, Девина 2010 — Vaulina S. S., Devina O. V. The author's modality as a text-forming category (to the formulation of the problem). *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta. Filologicheskie nauki*. Kaliningrad. 2010, (8): 8–13. (In Russian)

Ваулина, Серганова 2021 — Vaulina S. S., Serganova D. A. Modality as a way to decode the author's personality in an ancient

russian masterpiece "The testament of Vladimir Monomakh". *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. 2021, (1): 12–18. (In Russian)

Гальперин 1981 — Gal'perin I. R. Text as an object of linguistic research. М.: Nauka, 1981. 138 p. (In Russian)

Гудзий 1952 — Gudzii N. K. Where and when was the literary activity of Serapion Vladimirsky? *Izvestia AN SSSR. Otdelenie literatury i iazyka*. 1952, (XI (5)): 450–456. (In Russian)

Дмитриев 1980 — Dmitriev L. A. Literature of the first years of the Mongol-Tatar yoke (from 1237 to the end of the 13th century). In: *Istoriia russkoi literatury v 4 tomakh*. Т. 1. Prutskov N. I. (ed.). Leningrad: «Nauka», 1980. P. 90–128. (In Russian)

Еремин 1987 — Eremin I. P. Lectures and articles on the history of ancient Russian literature. Leningrad, 1987. 328 p. (In Russian)

Золотова 2004 — Zolotova G. A. The communicative structure of the text. In: *Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka*. Zolotova G. A. (ed.). Moscow: Institut russkogo iazyka RAN im. V. V. Vinogradova, 2004. P. 382–485. (In Russian)

Копытов 2010 — Kopytov O. N. The image of the author and the author's beginning: differentiation and areas of application of concepts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010, (334): 11–14. (In Russian)

Костомаров 2014 — Kostomarov P. I. Anthropocentrism as an important feature of modern linguistics. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014, (1 (2)): 198–202. (In Russian)

Лихачев 1979a — Likhachev D. S. Genres and types of Old Russian literature. Literature and reality. In: *Drevniaia russkaia literatura v issledovaniakh*. Guseva L. N., Korotkaia L. L. (comp.). Минск. 1979. P. 33–52. (In Russian)

Лихачев 1979б — Likhachev D. S. Literary etiquette. In: *Drevniaia russkaia literatura v issledovaniakh*. Guseva L. N., Korotkaia L. L. (comp.). Минск. 1979. P. 52–70. (In Russian)

Лихачев 1980 — Likhachev D. S. The peculiarity of the historical path of Russian literature of the X — first quarter of the XVIII century. In: *Istoriia russkoi literatury v 4 tomakh*. Т. 1. Prutskov N. I. (ed.). Leningrad: «Nauka», 1980. P. 11–18. (In Russian)

Романова 2003 — Romanova T. V. Modality as a text-forming category in modern memoir literature. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU. 2003. 295 p. (In Russian)

Серганова 2021 — Serganova D. A. Features of the implementation of the author's modality in the «Message of Ivan the Terrible to Andrey Kurbsky». In: *Modal'nost'. Kommunikatsiia. Tekst: sbornik nauchnykh trudov*. Kaliningrad: Izdatel'stvo BFU im. I. Kanta, 2021. P. 138–144. (In Russian)

Творогов 1980 — Tvorogov O. V. Literature of Kievan Rus X — the beginning of the XII century. In: *Istoriia russkoi literatury v 4 tomakh*. Т. 1. Prutskov N. I. (ed.). Leningrad: «Nauka», 1980. P. 19–61. (In Russian)

Черторицкая 1987 — Chertoritskaia T. V. *The eloquence of Ancient Russia (XI–XVII)*. Moscow: Sovetskaia Rossiia. 1987. 444 p. (In Russian)